

© Шмелёва А.В.

А.С. ПУШКИН И СЛАВЯНОФИЛЫ. О ВЛИЯНИИ ПОЭТА НА ТВОРЧЕСКОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ РАННИХ СЛАВЯНОФИЛОВ

Аннотация. Творческое общение А.С. Пушкина и литераторов его круга, в котором видное место занимали ранние славянофилы, послужило выработке принципов народности и самобытности русской литературы и в целом определило вектор развития русской общественной мысли. Историческая трагедия А.С. Пушкина «Борис Годунов» дала мощный импульс для оценки прошлого и настоящего, пробудила интерес к философии истории у современников. Обращение к историческому прошлому Отечества, к национальным идеалам литераторов пушкинского поколения оказало влияние на оформление православно-славянского мировоззрения ранних славянофилов. Идеализация ими культурно-исторической базы (веры, обычаев, искусства...) русского народа трансформировалось у них в своеобразную программу всеобщего просвещения, резко противопоставленную европейскому индивидуализму и рационализму, и первые драматургические опыты под непосредственным воздействием Пушкина определили приоритеты идейно-эстетических установок славянофилов, их философско-исторические убеждения и литературную позицию.

Ключевые слова: летопись, история, философия, Смута, драматургия, общество, национальное самосознание, национальное самоопределение, национальный характер, мировоззрение, славянофильство, свято-отеческое наследие, средневековье и др.

© A. Shmeleva

A. PUSHKIN AND THE SLAVOPHIL. THE ASPECT OF THE POET'S INFLUENCE ON THE EARLY SLAVOPHIL'S CREATIVE SELF-DEFINITION

Abstract. Among Pushkin's contemporaries were outstanding representatives of the early Slavophil's movement. Their relations with Pushkin were of great importance and assisted in the development of the historic and national principles. In general these relations defined the historic development of Russian public thought. Pushkin's historic tragedy "Boris Godunov" was like a powerful impulse for the contemporaries to think about Russia's past and present and to form an interest to the philosophy of history. Pushkin's generation realizing the history of Russia and national ideals greatly influenced on the Slavophil's and formed an orthodox philosophy. The Slavophil's based on the cultural and historic backgrounds of Russia and created a specific programme of national enlightenment which was strictly opposed to the European individualism and rationalism. The early Slavophil formed their aesthetic, philosophical and literary position under the Pushkin's influence.

Key words: annals, history, philosophy, Distemper, dramatic art, society, national consciousness, national self-determination, national character, outlook, Slavophil's movement, the Middle Ages, etc.

«Да ведают потомки православных / Земли родной минувшую судьбу...» – так начертал пушкинский летописец Пимен завещание-наставление последующим поколениям, так выводил сам автор в своей гениальной исторической трагедии анатомию русской Смуты с ее историческими уроками. «Борис Годунов» Пушкина замкнул на себе великую историософию классицизма с ее лучшими образцами, слегка потускневшими лишь с появлением пушкинского творения. Речь идет прежде всего о разработке темы Смуты в блестящем XVIII столетии и первом десятилетии века XIX-го (определяющее место здесь по праву принадлежит трагедиям А.П. Сумарокова «Димитрий Самозванец» и М.М. Хераскова «Освобожденная Москва» (1798), исторической пьесе Г.Р. Державина «Пожарский, или Освобождение Москвы» (1806), пьесе М.В. Крюковского «Пожарский» (1807), «отечественной драме» С.Н. Глинки «Минин» (1809), пьесе А.А. Шаховского «Иван Сусанин» (1815) и др.). Шедевр Пушкина размыкает русскую романтическую трагедию и определяет вектор для развития будущей русской исторической драматургии в целом, что действительно даст мощный творческий потенциал для художественных поисков М.Е. Лобанова, Е.Ф. Розена, М.П. Погодина, Н.В. Кукольника, Н.А. Полевого, Н.А. Чаева, А.В. Сухово-Кобылина, Л.А. Мея, А.Ф. Федотова, Н. Бицына, А.Н. Островского, А.Н. Толстого и др. Но главное – пушкинское слово консолидирует всех мыслящих представителей российского общества на предмет обоснования национального самосознания. И решающее положение здесь приобретает разработка исторической темы ранних славянофилов А.С. Хомякова, И.С. и К.С. Аксаковых, И.В. и П.В. Киреевских. Ф.И. Тютчев, близкий славянофильским кругам не только России, вслед за Пушкиным, развивает в своем творчестве идею славянского самосознания.

На середину 1820-х гг. приходится расцвет русской исторической драматургии, он был обусловлен героическими страницами истории Отечества (наполеоновскими войнами, Отечественной войной 1812 г., и связанным с этим ростом национального самосознания). Интерес к родному прошлому активизировал литераторов к общественно-политическим и историософским темам, к осмыслению национально-исторической идентификации, к национальному самоопределению. В это время укрепляется общественное значение театра, и заслуга в открытии нового арсенала театрального искусства принадлежала Пушкину.

По прибытии в родовое имение Михайловское в августе 1824 г. начинается новый этап творчества Пушкина, связанный с его самоопределением как русского национального поэта. И самоопределение это будет очерчено тремя гениальными произведениями, обозначившими в ту пору для русской словесности духовное осмысление творчества и миссии творца, это «Разговор книгопродавца с поэтом» (1824), историческая трагедия «Борис Годунов» (1825) и «Пророк» (1826).

Текст трагедии, как известно, был написан с ноября 1824-го по ноябрь 1825 г. (дата белого автографа – 7 ноября 1825 г.), поводом послужило чтение «Истории Государства Российского» известного писателя-сентименталиста Н.М. Карамзина¹. Материалы для своей «Истории...» Карамзин собирал с 1804 г. Последние X и XI тома «Истории...» содержали повествование о Смутном времени. Пушкин прочёл и загорелся новым освещением русской истории, окрашенной национальной самобытностью; он писал, что «Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка Колумбом». К началу 1820 г. первые тома исторического труда Карамзина уже были переведены

¹ Второе издание в одиннадцати томах сочинения Н.М. Карамзина выходило в 1818-1824 гг. при содействии петербургского книгопродавца И.В. Слёнина. 12-й том, над которым историк работал в 1825 г., вышел в 1829 г. под редакцией товарища министра народного просвещения графа Д.Н. Блудова, которому историограф завещал это предприятие.

во Франции, Германии, Италии. Успех этот объяснялся не столько традициями французской школы романтической историографии, приверженцем которой был Карамзин, сколько сочетанием художественного метода с летописной русской традицией, потому Пушкин вполне обоснованно называет Карамзина «первым историком» и «последним летописцем», а его труд – «подвигом честного человека». Пушкин довольно хорошо знал семью Карамзиных, он доверял Карамзину-историку, но при этом имел собственную позицию поэта-историософа.

Пребывая в Михайловском, зачитываясь тогда последними томами карамзинской «Истории...» и общаясь с братией Святогорского монастыря, Пушкин вдохновляется самым загадочным временем русского государства. Михайловское с его окрестностями хранило печать тех далёких лет. Воображение питали и подлинные летописи, профессиональный интерес к которым в обществе возникает еще в XVIII в., Пушкин увлечен чтением их в библиотеке Святогорского монастыря [2, 179-186]. В летописях упоминается городище Воронич (на пути в Тригорское), через которое проходили когда-то войска Самозванца. Сама атмосфера этого русского селенья влекла поэтическую мысль в глубины истории, а старый монастырский собор, построенный в эпоху одного из «могущих Иоаннов», Иоанна IV Васильевича, был немолчным свидетелем тех далеких лет, словно летописью в камне. Но в памяти всплывали и картины детства, когда семья Пушкиных каждое лето с 1805 по 1810 гг., а также с мая по октябрь и зиму 1808-1809 гг. гостила в купленном в 1804 г. (после продажи поместья Кобринно) М.А. Ганнибал сельца Захарова Звенигородского уезда. По воскресным и праздничным дням семья Пушкиных посещала Преображенскую церковь (строение боярина Бориса Годунова), что в соседней усадьбе Больших Вязём, принадлежавших в ту пору генерал-лейтенанту князю Б.В. Голицыну, и была её почетными прихожанами. В ограде этой церкви был похоронен в июле 1807 г. Николай Пушкин, брат Пушкина.

Уже тогда, в бабушкиной подмосковной, юный Пушкин окупился в атмосферу народных преданий о давно минувших временах. Впервые в русских хрониках Вязёмы обозначились как перевалочный пункт (Гоголев стан) для послов, ездивших по Можайской дороге в Первопрестольную на переговоры, затем с 1590 г. они сделались вотчиной боярина Бориса Годунова, будущего Самодержца, позже – это место развлечений первого Самозванца, ещё чуть позже – стоянка Марины Мнишек. После пережитого Смутного времени Вязёмы сделались дворцовой вотчиной первых царей из Дома Романовых, а в конце XVII столетия были пожалованы князю Б.А. Голицыну, воспитателю Императора Петра I Алексеевича, и с тех пор стали принадлежать этому роду. Ко времени посещения Пушкиными Вязёмской церкви стены её сохранили надписи на польском языке, сделанные клевретами Самозванца. Захаровские окрестности с их непростой судьбой явились прообразом местопребывания Самозванца в одной из сцен трагедии «Борис Годунов», а само расположение Вязём на пути, соединяющем Москву и польско-литовские земли, обращает к сцене «Корчма на Литовской границе». В Михайловском Пушкин «страхивает святую пыль истории», проникая своим воображением в двухсотлетнюю давность, он проводит аналогии современной ему действительности со Смутным временем, когда решалась судьба Отечества, он высвечивает анатомию русской Смуты и политические авантюры заговорщиков. «Борис Годунов» был написан в преддверии декабря 1825 г.,

свою мировоззренческую позицию относительно тех событий Пушкин отразит более явно в записке «О народном воспитании» 1826 г., поданной Императору Николаю I Павловичу. Но ещё в письме к В.А. Жуковскому от 20 января 1826 г. он недвусмысленно признался, что к заговору не принадлежал и «с возмутителями 14 декабря связей политических не имел».

Написанную им историческую трагедию с полным правом можно считать провиденциальным словом поэта. Пушкин окрестил «Бориса Годунова» своим «любимым детищем». Это было и неким актом исторического покаяния за грехи предков, выступивших на стороне самозванцев, хотя позже и приложивших руки на грамоте об избрании на царство юного Михаила Романова. В набросках предисловия к «Борису Годунову» Пушкин назвал источники своего труда: «Изучение Шекспира, Карамзина и старых наших летописей дало мне мысль облечь в драматические формы одну из самых драматических эпох новейшей истории. Не смущаемый никаким иным влиянием, Шекспиру я подражал в его вольном и широком изображении характеров, в небрежном и простом составлении планов, Карамзину следовал я в светлом развитии происшествий, в летописях старался угадать образ мыслей и язык тогдашнего времени. Источники богатые! Умел ли ими воспользоваться – не знаю, – по крайней мере, труды мои были ревностны и добросовестны». В этом предполагавшемся Предисловии автор называет и причины, по которым не мог отдать в печать весь текст «Бориса Годунова». Произведение было новаторским в отечественной драматургии, это была первая русская реалистическая (с элементами романтизма) драма. Сохранилось черновое письмо к Н.Н. Раевскому (мл.) от июля 1825 г. (оригинал на фр. яз.), в котором автор приоткрывает завесу своих дум и творческого делания: так, он отмечал, что «и классики и романтики основывали свои правила на правдоподобии, а между тем именно оно-то и исключается самой природой драматического произведения», «Правдоподобие положений и правдивость диалога – вот истинное правило трагедии», «Вы спросите меня: а ваша трагедия – трагедия характеров или нравов? Я избрал наиболее лёгкий род, но попытался соединить и то, и другое. Я пишу и размышляю. Большая часть сцен требует только рассуждения; когда же я дохожу до сцены, которая требует вдохновения, я жду его или пропускаю эту сцену – такой способ работы для меня совершенно нов. Чувствую, что духовные силы мои достигли полного развития, я могу творить». Пушкин опасался и недоброжелательных отзывов о его «любимом детище», он был равнодушен к «неуспеху» любого его сочинения, но... – не к «Борису Годунову»! В письме князю П.А. Вяземскому от 13 июля 1825 г. Пушкин сообщал о первоначальном названии своего сочинения: «Передо мной моя трагедия. Не могу вытерпеть, чтоб не выписать её заглавия: *Комедия о настоящей беде Московскому Государству, о Царе Борисе и о Гришке Отрпьеве*», – писал раб Божий Алекс<андр> сын Сергеев Пушкин в лето 7333, на городище Воронице. Каково?» Название свидетельствовало о том, что произведение не умещалось в псевдоклассические кодексы, эта стилизация под русское летописание вновь, вслед за Карамзиным, обращало современников к национальной самобытности и русскому самосознанию.

Еще до выхода полного текста «Бориса Годунова» из печати его знал довольно широкий круг приближенных автора. Первым слушателем трагедии стал лицейский товарищ Пушкина князь А.М. Горчаков. Он мог поставить себе в заслугу, как писала о том впоследствии его дочь, что посоветовал молодому драматургу «усовершенствовать сцену Пимена с Григорием» [4, 199-203]. Пушкин в начале сентября 1826 г. приехал в Москву и не раз читал свою трагедию в «кругу избранных»¹. На первых чтениях

¹ Известны чтения 10 и 12 сентября 1826 г. на квартире в Москве у известного библиофила и библиографа С.А. Соболевского, в середине сентября состоялось чтение в литературно-музыкальном салоне княгини З.А. Волконской, 29 сентября у князя П.А. Вяземского, 12 октября

в московской квартире С.А. Соболевского 10 и 12 сентября 1826 г. присутствовал И.В. Киреевский. Это он в 1829 и 1831 гг. напишет важные для литературной критики разборы «Бориса Годунова», в частности обратив внимание на исторические параллели в русской истории.

В доме четвероюродного брата Пушкина, поэта Д.В. Веневитинова, «Бориса Годунова» с немалым интересом слушали уже основатели будущего ядра славянофилов братья И.В. и П.В. Киреевские, Ф.С. Хомяков и его брат А.С. Хомяков, М.П. Погодин и другие. Хозяин дома – Веневитинов, вокруг которого и объединились пылкие романтики-шеллингианцы, создав «Общество Любомудрия», 1823-1825 (куда из будущих славянофилов вошли также А.И. Кошелев, Н.М. Рожалин, В.П. Титов и др.). Это им Пушкин посоветовал издавать ежемесячный журнал, который в скором времени появился под названием «Московский Вестник», цель его организаторов сводилась к созданию в России научной эстетической критики. Именно с этих позиций Веневитинов будет разбирать «Бориса Годунова», эта статья станет венцом молодой жизни талантливого юноши-поэта. А в тот день, 12 октября 1826 г., Пушкин будет просить А.С. Хомякова прочитать написанную им трагедию «Ермак». 13 октября там же состоялось чтение «Ермака». Это не было соперничеством. Новаторство Пушкина неоспоримо. В своих набросках предисловия к «Борису Годунову» Пушкин не раз отметит лиризм хомяковского текста. Это было, как писал М. Загорский, противостояние шекспирововского и шиллеровского методов на материале русской истории [3, 148]. Патриотический пафос трагедии Хомякова отвечал вкусам тогдашней публики. Однако Пушкин не случайно настаивал на чтении «Ермака» сразу по прочтении «Бориса Годунова». Слушатели не могли не уловить мотив, пронизывающий эти два текста, мотив, роднящий их, – мотив совести. Обнажена совесть Царя Бориса, страждет душа Ермака Тимофеевича. Внутренняя готовность к покаянию, продиктованная ответственностью перед историей, определяет духовную составляющую земной жизни; а пророческий сон послушника Григория и сон-откровение Ермака восходят к мистическому символу средневековой бинарной картины мира.

Для Хомякова, в отличие от Пушкина, характерно свободное использование исторических фактов, при этом христианские православные установки доминируют в сознании драматургов. Этот своеобразный диалог не мог не отразиться на формировании мировоззрения и исторического сознания Хомякова. В последующие годы были публикации отдельных сцен трагедии Пушкина в «Московском Вестнике» (в 1827 г.), «Северных Цветах» (в 1828 г.), «Деннице» (в 1830 г.). Если время создания текста «Бориса Годунова» провиденциально предвещало позор русского воинства на Сенатской площади, то время публикации выбранных автором сцен и всего текста (1830/1831 гг.) совпадало с еще одними политическими потрясениями. Это война 1828-1829 гг. и так называемое Польское восстание.

Поэтизируя героическую эпоху 1812 г., Пушкин-лицеист уже тогда словно предвещал вопрос, волнующий его в михайловский период, вопрос о создании подлинно народного произведения. С «Песни о Вещем Олеге», напечатанной в 1822 г. в «Северных Цветах», он вводит национальный колорит в свои художественные полотна. Образ князя Олега Пушкин осмысливает как знаковый для русской земли. Уже с первых строк «Песни...» заявлена по этому его историческая заслуга: Олег «отмстил неразумным хазарам» за их опустошительные набеги. Хазарский каганат, угрожавший целостности и самобытности образующихся в консолидированное государство славянских племен, пал под воинском мечом Олеговой дружины. Пушкин передает сказание, в котором говорится о бесславной гибели – в доме Д.В. Веневитинова, 29 октября – в доме Е.А. Баратынского; весной 1828 г. чтения продолжились в Петербурге, 11 мая – у А.А. Перовского (псевд. Антоний Погорельский), 16 мая на вечере у французского эмигранта И.С. Лавали.

воина-князя от своего боевого коня. Поэт рисует встречу князя со старцем-кудесником, который и пророчит князю его будущее. Эта встреча символична. «Вдохновенный кудесник» – словно символ языческой Руси, но и Руси на пороге своего духовного обновления. Всю песнь пронизывает цареградский мотив, христианский. Со своей дружиной Олег едет по полю в «цареградской броне», он воевал в самой столице Византийской империи (907), прибил на ее царских ворота свой ратный щит. Русско-Византийская история знает о бесстрашии и воинской доблести князей-русичей, история сохранила не один Договор славян с греками, Договор Олега с греками (911) вошел в историю как первый официальный документ дипломатических отношений. Кудесник видит «незримого хранителя» Олега, этот «незримый хранитель» ведет князя, а вместе с ним и весь славянский народ к христианству. Но гибнет князь-язычник в преддверии духовного обновления Руси. Трizza, которую совершает дружина по «могучему Олегу» вместе с князем Игорем и княгиней Ольгой переходит в пир: «Дружина пирует у берега», «помяная минувшие дни и битвы». Образ пира символичен. Не плач, но пир в основании русской христианской государственности. Символика пира будет развита Пушкиным и в «Борисе Годунове», когда избранный всенародно Царь призывает всех, от нищего слепца до знатного вельможи, на пир. Это всесословное единение в духе и есть русская соборность.

В 1829 г. Русско-турецкая война была завершена подписанием Андрианопольского мира, Пушкин не замедлил откликнуться на, как тогда считали, его преждевременное решение. В пламенных строках того времени вновь возникает знакомый образ князя Олега, сквозь прошлое Пушкин зрит настоящее. В стихотворении «Олегов щит», напечатанном в «Северных Цветах на 1830 год», поэт проводит ретроспективную историческую аналогию, он затрагивает мистический аспект исторических судеб мира:

*Когда ко граду Константина
С тобой, воинственный варяг,
Пришла славянская дружина
И развила победы стяг,
Тогда во славу Руси ратной,
Строптиву греку в стыд и страх,
Ты пригвоздил свой щит булатный
На Цареградских воротах.*

*Настали дни вражды кровавой,
Твой путь мы снова обрели.
Но днесь, когда мы вновь со славой
К Стамбулу грозно притекли,
Твой холм потрясся с бранным гулом,
Твой стон ревнивый нас смутил,
И нашу рать перед Стамбулом
Твой старый щит остановил.*

И.С. Аксаков, пламенный и страстный славянофил, в своей знаменитой речи при открытии памятника поэту в Москве 8 июня 1880 г. вспомнил эти строки поэта. Тогда, в 1829 г., русское общество и сам император были вдохновлены заветной мечтой предков – увидеть Крест на Святой Софии! Аксаков не мог не отразить того огромного влияния, какое имело слово Пушкина в сердцах русских людей: «Да, Пушкин был живой русский, исторически чувствующий человек. Историческое чувство, историческое сознание!.. Да ведь это значит – уважение к своей земле, признание прав своего народа на самобытную

историческую жизнь и органическое развитие; постоянная память о том, что пред нами не мертвый материал, из которого можно лепить какие угодно фигуры, а живой организм, великий, своеобразный, могучий народ русский, с его тысячелетней историей!». В начале октября 1829 г. Ф.И. Тютчев откликнулся на результат, достигнутый в ходе подписания Андрианопольского договора между Россией и Турцией (2 сентября 1829 г.), обеспечивший Греции автономию по отношению к Турции, стихотворением «Императору Николаю I» (перевод с немецкого), в котором русский дипломат видел богоизбранность победоносного русского войска и святости самого дела, основная роль в котором принадлежала русскому царю: «Стамбул исходит – / Константинополь воскресает вновь...». Будущие славянофилы были воодушевлены героическими событиями и воинской доблестью русской армии, что отразилось в их патриотической лирике и публицистических статьях разного времени.

С началом войны А.С. Хомяков, надев офицерские эполеты, в звании штаб-ротмистра Белорусского гусарского Принца Оранского полка вторично поступает на военную службу, в должности адъютанта генерала В.Г. Мадатова. Он участвует в осаде крепости Шумла. Дважды ранен. Как инженер-изобретатель, создает дальнобойное оружие. К окончанию военной кампании Хомяков имеет два ордена (св. Анны в петлице, св. Анны с бантом и св. Владимира 4-й степени). С 1830-х гг. его поэзия усиливает славянофильскую концепцию – это вера в Россию и ее миссию, в торжество русской правды, пробуждение «дремлющего Востока». Стихотворение «Орел» (1832?), по воспоминаниям П.И. Бартенева, вызвало мощный общественный резонанс не только в России, но и в славянских землях. О Хомякове заговорили как о поэте, призывающем к объединению «окованных братьев» – славян («Высоко ты гнездо поставил, / Славян полунощных орел» – «О младших братьях не забудь!»). Затем последуют стихотворения «Ключ», «Россия», «Исповедь» и др. Именно в «Исповеди» («Не говорите – «То былое, / То старина, то грех отцов, / А наше племя молодое / Не знает старых тех грехов»...», 1844) возникнет мотив ответственности поколений перед судом истории за прошлое и настоящее, в частности, «За клевету на Годунова, / За смерть и стыд его детей...». Слово Пушкина живет в сознании, его историческая трагедия вовсе не осуждение Бориса Годунова, напротив, как бы поэт ни придерживался версии Карамзина, получилось иначе!

В начале 1839 г. разворачивается литературно-публицистическая деятельность Хомякова, разработка его идеи соборности, которая лежит в глубинах исторической трагедии Пушкина. Однако Хомяков личным опытом пытается дознаться до глубин православной религиозности. Он изучает святоотеческое наследие и выводит на основе прочитанного метод изучения и познания действительности.

В историческом прошлом славянофилы черпают идеи духовного единства и государственной мудрости. Они стремятся восполнить этот вакуум, о котором еще в 1822 г. писал Пушкин: «Россия слишком мало известна русским». Пушкинские «Исторические заметки по русской истории XVIII века» определили вектор историософских доктрин славянофилов. Пожалуй, мощным фактором, положившим рубеж в общественных умонастроениях, стал Польский вопрос, вызванный восстанием в Царстве Польском. Судьба русско-польских отношений всегда интересовала Пушкина. В его центральном произведении, в «Борисе Годунове» четко улавливалась военно-политическая история экспансии Польши против России. Позиция Пушкина статична. За действиями Польши он видит властную руку Ватикана и его прелатов, уже внедрившихся в славянские земли с известной пропагандой ценностей. Поэт пушкинской плеяды, разработчик партизанской войны, Д.В. Давыдов, не колеблясь, отбыл с частями русской армии для погашения мятежа и водворения порядка. Но если славянофилы после этих событий недвусмысленно противопоставят Запад России, где Польша станет яблоком раздора в славянской семье, то Тютчев сделает попытку осмыслить положение Польши. «Как дочь родную на закланье...» – так

будет сперва, а после... – «наш Иуда». Славянофилы в этом вопросе оказались последовательны, они шли вслед за Пушкиным. Окатоличенная польская аристократия покушалась на исторические русские земли Белой Руси и Малороссии [см.: 1]. Были памятны недавние военные события 1812 г., когда карательный отряд в армии Наполеона составили исключительно поляки. «Раскаявшийся» Ф.В. Булгарин словно искупал свою вину перед православной Россией, служа в жандармерии. Пушкин был убежден: «спор славян между собою» необходимо преодолеть без посредничества западных держав.

Весной 1832 г. Хомяков завершает работу над исторической трагедией «Димитрий Самозванец». Этот замысел родился во время чтения Пушкиным еще в 1826 г. «Бориса Годунова» и был подогрет польскими событиями. Однако в драматическом произведении Хомякова, дерзновенно отважившемся на полемику с Пушкиным в области драматургии и раскрытия «духа жизни», уже содержится концепция его понимания русской истории, специфики русского национального характера. Пушкин своим русским чутьем смог пробудить в русском обществе интерес к судьбе земли родной. «Да ведают потомки православных...» – это прямое обращение в будущее. Путем личного духовного опыта, преодоления жизненных коллизий Пушкин шел к осмыслению философии истории. Со второй половины 1820-х гг. Пушкин-государственник, Пушкин-геополитик последовательно выражал национальные интересы, и славянофилы пушкинское слово начертали на своих знаменах.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Берг Н.В. Записки о польских заговорах и восстаниях. 1831-1862. М., 1873.
2. Городецкий Б.П. Драматургия А.С. Пушкина. М.-Л., 1953.
3. Загорский М. Poleмические заметки // Театр, 1940. № 7.
4. Пушкин глазами князя А.М. Горчакова (Неизвестные воспоминания). Публикация, вступительная заметка и комментарии Е.Л. Уколовой и В.С. Уколова // Московский пушкинист, 1995. I.